

ИГОРЬ МЕЛАМЕД

№ 32 1998

A.O.

Хотя стихи Игоря Меламеда, разумеется, не иллюстрация чего бы то ни было, все же нельзя, читая их, не заметить, насколько сомнительно сегодняшнее деление поэзии на "современную (прогрессивную, концептуальную и т.д.) и традиционную (реакционную, исповедальную, описательную и т.д.)", причем чаще всего указывается традиция пресловутого "серебряного века".

* * *

Пока еще в Кузьминках снегопад -
беги за ней, скользящей и спешащей.
Хватая тьму на ощупь, наугад,
дыши в плечо любви уходящей.

Пока еще превыше прочих благ
в последний раз к руке ее приникнуть, -
беги за ней, хоть ветер дует так,
что ни вздохнуть, ни вскрикнуть, ни окликнуть.

И зная, что сведешь ее на нет, -
не отставай, беги за нею следом,
пока ее скользящей силуэт
не станет мраком, холодом и снегом...

* * *
Так эта ночь нежна, так ливень милосерден.
Так бескорыстен плач, так бесконечна тишь.
Я руку приложил - ты стала правым сердцем.
Покалываешь чуть. Почти что не болиши.

Я знаю - этот страх к рассвету вновь воскреснет,
войдет, как секундант, и спросит: не пора ли?
И будет щебет птиц так тяжек и надтреснут,
как будто снится им пожизненный февраль.

Я - жаворонок... нет... я - речью этой жалок.
Гортань моя суха, темнее темноты
забота о себе: рука бы не дрожала,
нога бы не затекла, забыться бы... но ты
усни, усни, усни под влажною ладонью.
Ты - правое во мне. На свете нет потерь.
Я ревновал тебя к сиротству и бездомью -
под правою рукой ты вся во мне теперь.

Но та рука дрожит, как лист под ливнем поздним,
и крестовиной страх растет в моем окне:
ты вся теперь во мне, но ты лежала возле
и стала пустотой на смятой простыне.

Не мучься - ты права под правою рукою.
Но справа пустота на теле, как ледник,
ползет - я потерплю, я поплотней укрою
ее и притворюсь, что это - твой двойник.

Так милосерден дождь, что речь моя промокла.
Уже словам нужна защита немоты.
Не бейся ж так во мне, как бьется дождь о стекла.
Не бойся - я с тобой. Но ты... но ты... но ты...

* * *

Любить и лелеять недуг бытия...
Баратынский

Дитя мое, мне страшно за тебя.
Зачем недуг лелея и любя,
об исцелены думаешь заране?
Земную жизнь пройдя всего на третью,
зачем в иную пробуешь глядеть,
водя пером по их незримой грани?..

Не видя в этом времени пути,
сердца свои мы держим взаперти,
и опыт нас безвыходности учит:
пойдешь направо - злую встретишь ложь,
прямым путем и вовсе пропадешь,
налево ступишь - жалостью замучат.

Я плачу, плачу - все обречено.
Я тупо пью холодное вино.
И постепенно зреет безразличье
во мне к себе, к другим и к небесам,
к невыносимым чьим-то голосам,
ссыгающимся на косноязычье...

Но часто так мне кажется - я жив,
и в общем хоре голос мой не лжив

лишь оттого, что ты на этом свете.
И за тебя в ночной моей тоске
я помолюсь на странном языке
местоимений, слез и междометий.

И, может быть, не в том моя беда,
что ты со мной не будешь никогда,
не в том, что врозь отправимся с тобою
мы и туда, чего и мыслить, и речь
страшатся, от чего не уберечь
друг друга ни объятьем, ни мольбою.

Но в том беда, дитя мое, что нам,
скорей всего, не встретится и там,
куда глядишь ты так неосторожно.
И если тот же холод там и тьма -
что остается?.. Не сойти с ума,
и жить, когда и выжить невозможно.

* * *
Господи, что же случилось со мной?
Глохнет душа, утомляется тело.
Стало бедою моей и виной
все, что ласкалось, и льнуло, и пело.

Веки твои под ладонью моей.
Ветки твои сквозь оконную раму...
Тяжкий покой этих дней и ночей,
словно повязка на вечную рану.

Ближе к рассвету подходит к концу
детство. Во сне, умирая от жажды,
видишь себя вопреки мудрецу
в прежнюю реку вступающим дважды.

Только вступаешь с иного конца,
освободясь от истлевшего платья,
мертвую ветвь отведя от лица,
теплые руки убрав из объятья.

Вслед за собой устремляешься вплавь
и в призывающем утреннем свете
вновь попадаешь в постылую явь,
словно в свои же забытые сети.

Господи, я ничего не могу!
Мне не доплыть до свиданья с собой же!..
Я очертанья на том берегу
с каждым рассветом теряю все больше.

Это - меня убивающий свет,
ставший бедою моей и виною,
неотвратимо сводящий на нет
даже родство между мною и мною.

* * *

Памяти отца

На кладбище еврейском в светлый рай
тяжелый ветер сор осенний гонит
с разбитых плит - приюта птичьих стай.
На кладбище, где больше не хоронят,

вот здесь твоя могила родилась
вблизи чужой - забытой и умершей,
где я к тебе приник в последний раз,
не веривший и плакать не умевший.

Сквозь прах и ветер мне не разобрать,
не разгадать среди родного мрака
какую ты вкушаешь благодать
у Бога Авраама, Исаака...

Благословив свистящий этот серп,
сквозь прах и ветер на твоей могиле
я лишь шепчу: - Да будет милосерд
к тебе Господь Иакова, Рахили...